

Павел Патлусов

Малинские сказы

Павел Патлусов

Шалинские сказы

«Издательские решения»

Патлусов П.

Шалинские сказы / П. Патлусов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903717-6

Сказ, как литературное произведение наиболее популярен на Среднем Урале. Виной этому П. П. Бажов. Так что такое сказ? Сказ — это сказка «припудренная» реальными событиями, хотя можно сказать и наоборот: житейские истории «припорошенные» сказкой. Этот жанр интересен как для детей так и для взрослых. Желаю читателям получить наслаждение от этой книги.

ISBN 978-5-44-903717-6

© Патлусов П.
© Издательские решения

Содержание

Чертов палец	6
Заячьи слёзы	8
Чёрный соболь	10
Кедрач	13
Сылвицы	16
Кот Чирок	19
Святая Маргарита	21
Вечный коммунист	24
Платоновская святыня	27
Ильинская часовня	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Шалинские сказы

Павел Патлусов

Дизайнер обложки Наталья Александровна Мещерякова

© Павел Патлусов, 2018

© Наталья Александровна Мещерякова, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-3717-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Чертов палец

Зимние декабрьские деньки необычайно коротки, ночь порою даже не уходит за горизонт, а лишь только прячется в густых, свинцового цвета облаках. В это глухое времечко народ невольно становится мрачным и сонливым. Медики объясняют это просто: авитаминоз. Но бывалые люди говорят: в это время усиливается влияние темных сил, и заканчивается власть тьмы только 23 января, когда день уже заметно удлиняется. Долгими зимними вечерами население глухого уральского поселка Шалья обычно проводит время перед телевизором. Редко кто из молодых возьмёт в руки книгу.

Тепло, уютно в деревенской избе, и кусок на зиму припасен: законсервированы ягоды, грибы, овощи, кое-кто вырастил скотинку на мясо. Богатый край для того, кто работать не ленится. В небольшом деревянном доме, расположенном на берегу пруда, проживала одинокая старушка по имени Агафья Ивановна. В избушке, кроме самой необходимой мебели – кровати с металлическими спинками, табуретов, стульев и столов – ничего не было, но во дворе у хозяйки Целовальник в современном понятии бармен обретались две козы и несколько кур, которые и позволяли бабе Гане «сводить концы с концами». Её часто навещала внучка Лена – дочь старшего сына, а всего у старушки было шестеро детей. Девочка – ученица шестого класса сидела за столом – выполняла уроки.

– В наше время, бабушка, много чудес, – оторвав шариковую ручку от тетради, обратилась к ней Леночка, – а в ваше время их не было вовсе. Теперь и телевизор и телефон, и компьютер, и даже космические станции...

Старушка сидела напротив девочки за прялкой с поблекшими от времени многокрасочным рисунком, – готовила пряжу на носки да варежки для своих внуков.

– И то верно, Леночка, люди много чудес творят. Раньше всё это Бог лишь сделать мог, – продолжая сучить шерстяную нить, ответила баба Ганя. – Вот взгляни на прялку: что видишь?

– Какие – то кружки, черточки, квадратики, внизу звери у большого столба изображены...

– Маракуешь¹ верно. Мой прадед не случайно кроме обычного для своего времени круговорота солнца изобразил на прялке зверей, ведь для него это было чудо, которое живёт до сих пор, – заинтриговала внучку хозяйка избушки.

– Расскажи, расскажи! – отложив в сторону тетрадь с учебниками, под села к бабушке Леночка.

– Ну, слушай, да зря не лыбься², – отставила прялку к стене бабушка. – Давно это было. Леса по тем временам были высоченные, непроходимые; зверья различного много... Проходила мимо нашего поселка, за Поповой горой, единственная на Урале дорога. Дорогу позднее называли Татищевской – начальник такой при царе на Урале был. По этой дороге можно было через Молёбку и Суксун попасть в Пермь, в другую сторону ехали и шли на Тагил, Верхотурье... Сведущие люди баяли, что по этой дороге ездили купцы Демидовы, священники и большие царские начальники. По этой же дороге бежали в Сибирь преступники, крепостные крестьяне и всякий народишко, желавший свободной и обеспеченной жизни. Иногда беглые людишки объединялись в воровские шайки и наводили ужас на всех проезжающих – место наше, по правде сказать, было совсем безлюдным. Богатые и знатные люди ездили без особой опаски – у них большая охрана, – а простой народ сильно страдал. Вот однажды появился в этих местах беглый казак по имени Михей, по кличке Косарь. Так обычно в старину называли большой нож для щепления лучины, им же дробили крупные кости. Михей

¹ Маракуешь – размышляешь, осмысливаешь.

² Лыбиться – насмехаться, смотреть лукаво.

был огромного роста, из себя весь черен как ворон и страшно зол. Какого путника на дороге не встретит – обязательно ограбит и без нужды жизни лишит. Не щадил ни женщин, ни убогих странников. Здесь его шайке было слишком вольготно: глухомань на сотни километров кругом. Пооживлённое было только вокруг заводов: возле Нижнего Тагила на востоке, да возле Кунгура на западе... Ещё бают, что местных вогулов изгнал отсюда он: отбирал добычу и пушнину... Уж больно лют был разбойник! Он, говорят, хотел наgrabить много золота и откупить все демидовские заводы, – думал стать на Урале единственным хозяином.

Поехал однажды в Верхотурье на богослужение по случаю очередной годовщины со дня смерти Симеона Меркушинского священнослужитель с дьячком из Кунгура. Охраны никакой с собой не взял, понадеялся на Бога. В этом месте за Поповой горой, где речка Убойская впадает в Малую Шалю, шайка разбойников во главе с Косарем напала на путников. Остановив лошадей, Косарь выволок священнослужителя за волосы из коляски, а дьячка сбросил с козел. Сорвали с божьих слуг кресты, обыскали дорожный сундук и поволокли свои жертвы на гору, хуля Бога и глумясь над путниками.

– Оставь греховное дело, – молил разбойника священник, – покарает тебя Господь!

Косарь в ответ лишь смеялся и сквернословил. На самой вершине горы, насладившись телесными муками священнослужителей, лютый разбойник зарубил их саблей, не дав им возможности перед смертью прочесть молитву. После жестокой расправы над невинными жертвами Косарь решил уйти с награбленным добром в потайное место, но не успел он спуститься со своими разбойниками с горы, как перед ними будто из-под земли вырос архангел Михаил. Он был ростом до небес, весь в белых одеждах. Бандиты бросились бежать, а сам главарь шайки Косарь не мог даже пальцем пошевелить – остоленел. Стоит, как каменный, – вот начал терять человеческие черты и всё более чернеть... И превратился он в столб черного цвета с дьявольским числом 666. Так и стоит вблизи речки Малая Шалю. С тех пор разбойники не пазарили в наших местах.

Гора, на которой произошло святотатство, была народом названа Поповой, а речку, впадающую в Малую Шалю, называли Убойской. Черный каменный столб прозвали «чертовым пальцем». С тех пор повелось: если идёт мимо женщина за ягодами или грибами, то обязательно плюнет на него, мужчина по пути на охоту или на покос ударит по столбу палкой, а ребёнок бросит камень. Животные – собаки, волки, лисы – и те оставляют на столбе свои метки. Вот почему прадед изобразил на прялке собак. Старые люди говорили, что тел убитых священнослужителей на горе не нашли: Господь их призрел. А ещё баяли, что они присутствовали на праздничной литургии в Верхотурье в нетленном образе. А золото, которое Косарь спрятал в потаённых местах, ищут до сих пор и найти не могут – надёжно нечистая сила укрывала его от людей. Говорят, в речке Хаснуловке, что не далеко от станции Бизь, находили золотые монеты. Но если и так, это лишь малая толика огромных богатств, награбленных Косарем.

– Как интересно, бабушка! – с восторгом воскликнула Леночка. – А Расскажи ещё...

– Вначале выучи уроки, а завтра, когда будем вечеровать, я ещё что-нибудь вспомню...

Через пару минут внучка снова села за учебники, бабушка – за прялку. На улице было тихо, спокойно. Легкий снежок медленно кружился над древним шалинским краем. Порою казалось, что с небес летят не снежинки, а маленькие добрые вестники счастливой жизни на этой прекрасной земле.

Заячы слёзы

В очередной раз Леночка появилась у бабушки Гани уже на каникулах, в январе. В это время за окном под сильным ветром скрипели старые тополя. Но в маленькой избушке было тепло, стоял чудный запах рождественской стряпни. Агафья Ивановна ходила по избе в чунях – обрезанных на уровне глубоких калош валенках. Такую же обувь она предложила внучке: «Надевай, теплее будет».

Отведав бабушкиной стряпни – разборников³, пирогов, шанег девочка села напротив хозяйки дома и попросила,

– Бабушка, расскажи ещё какую – нибудь историю... Старушка сдвинула на кончик носа очки, которые держались на её голове при помощи обычной бельевой резинки, и принялась сучить пряжу.

– Ну, слушай, егоза, – поплевав на пальцы рук, начала она свой рассказ, – Было это не так уж и давно, чуть более пятидесяти лет назад, я ещё молодой была... Рассказала мне эту историю Ольга Жорникова, в девичестве Калининко. Сама она была с Украины, здесь у нас отбывала срок в женском лагере. На доброй половине района в те времена здесь были лагеря – жуть, да и только... Женский лагерь располагался в Глухаре, ноне там лишь небольшой железнодорожный разъезд. Место для лагеря было выбрано самое гиблое: болота, комарьё, овод, а зимой непроходимые снега... Для снабжения лагеря водой оборудовали небольшой пруд в верховьях реки Баской. В этом же пруду мочили лубьё – липовую кору для мочала. Все верёвки в лагере делались из этого материала. На берегу пруда построили баню, бараки для заключенных, конный двор и колодец для нужд охранников.

Женщины-лагерницы заготавливали лес: они валили его с помощью двуручных пил, обрубали сучки, а затем с помощью лошадей подтаскивали брёвна к лежневке. Лежневка – это дорога, выложенная из брёвен. На брёвна накладывались доски в виде рельс, по которым на вагонетках, таких специальных тележках, женщины доставляли лес на пилораму. Через пруд в Глухаре был построен висячий мост, ибо в гору вагонетку с лесом вытолкать женщинам было не под силу. После такой тяжелой работы лагерницы могли только высушить одежду возле печей в бараке, а на следующий день – снова в лес. Многие не выдерживали таких условий, гибли. Хоронили бедолаг в лесу без лишних хлопот.

Однажды, когда уже заканчивалась война, в лагерь привели совсем маленькую девочку Иру. Всего лет двенадцать ей было. Определили работать на лежневку, толкать вагонетку с лесом на пилораму. Когда её переодели в лагерную одежду, то в большой не по росту телогрейке и огромных сапогах она стала похожа на неуклюжий пузырь. Женщины в лагере говорили: какой толк от такого «клопа» на лежневке, надо бы оставить её на кухне или при бане. Но на кухню направляли только тех, кто хорошо перед лагерным начальством выслуживался. Вот и пошла девчушка в лес, на лежневку. Женщины постарше, как могли, старались ей помочь, давали возможность передохнуть – не брали её на каждый рейс на пилораму. Все заключенные жалели девочку. Осудили её за одну – единственную горсть зерна, которую она взяла на зернотоке для маленького брата. Такие были законы при Иосифе Жестоком.

– А кто такой этот Иосиф Жестокий? – прерывает рассказ бабушки Леночка.

– Был такой правитель, самый главный у коммунистов. Народ много претерпел от него. И расстреливали, и в тюрьмах гноили, и на лесозаготовках мучили – хуже крепостного права...

Более трех месяцев уже пробыла в лагере девочка Ира. Наступил июнь – месяц. В лагере сменили всю охрану, и в лес, в бригаду заготовителей, направили злющего охранника – Чур-

³ Разборник – уральское название пирога, составленного из слепленных и запеченных вместе сладких пирожков; другое название – «дружная семейка».

кина. Он постоянно был с похмелья и вечно всем не доволен. Раньше – то он при кухне командовал, а потом, видимо, на чём – то погорел...

Вначале он к девочке относился сносно. Женщины начнут толкать вагонетку на пилю-раму, а её поставят возле висячего моста – всё девочке облегчение. Она там нашла себе забаву, обнаружила под кустом маленьких зайчат. Они – зайчата – страсть полюбили девчонку: бывало, утром идут женщины под конвоем на работу, а серые уже на пригорке скачут, ждут Ирочку. Все заключённые в лагере умилялись, глядя на это. Зайцев подкармливали хлебушком, который отрывали от своего скудного пайка.

Только однажды охранник Чуркин перестал позволять давать девочке отдых и заставлял её толкать каждую вагонетку. Иногда он даже пинал её ногами или хлестал вицей: надо думать, ему такой приказ поступил. Жалеть заключённых, даже малолетних, закону не было, все считались врагами народа...

Как – то раз на висячем мосту Ирочка в своих огромных сапогах запнулась, упала и сломала ключицу. Лагерный фельдшер сделал перевязку и пообещал поставить в строй девочку через две – три недели.

Может, в наше время врачам это и удаётся, но по тем временам такое чудо было возможно только при очень сильном желании больного поскорее выздороветь. У девочки такого желания, понятно, не было. Ей приносили из лесу подарки – гостинцы «от зайцев»: землянику, смородину, пиканы, заячью капусту. Да только девочка таяла на глазах: потеряла аппетит, не стала пить лекарства. Скучала по своим подростшим зайчатам, которые ждали её каждое утро на бугорке возле висячего моста. Однажды Чуркин едва не выстрелил в них из карабина, да лагерницы заслонили зайчат. Он долго матерился, но стрелять не стал – может, и у него была капля добра в душе?..

Вскоре у девочки поднялась температура – началась пневмония. Хороших лекарств для заключённых не было. Недолго она проболела – скончалась. Похоронили её возле висячего моста, на бугорке. На следующее утро, когда женщины шли по лежневке в лесосеку, на том бугорке, прямо на свежей могилке девочки, сидели три зайца и плакали. Все видели, как крупные, чуть – чуть розоватого цвета слёзы катились из заячьих раскосых глаз. Лагерницы говорили: посмотрите, даже дикий зверь может проявить сострадание к человеку.

До глубокой осени зайцы ходили на эту могилу, а потом начальник лагеря на охоте затравил зверюшек собаками. Без сердца были люди... На следующий год на могиле появились маленькие розовые цветочки, которые женщины – заключённые, не сговариваясь, называли: «заячьи слезы». В народе их ещё знают как «кошачьи лапки». С тех пор у нас считается: где этот цветок хорошо растёт, там зайцы оплакивают чью – то безвинно загубленную молодую жизнь. Эти места беречь надо, они святые, как памятники.

– Какое, бабушка, страшное время было... Мне очень Ирочку жаль, – всхлипнула внучка.

– Правильно, Леночка, доброе сердце не бывает равнодушным.

Баба Ганя прижала девочку к себе.

– Поплачь – чище душа будет...

Чёрный соболь

Утро. Леночка проснулась довольно рано; за окном было ещё темно, только серебристо-жёлтые блики изредка играли на замерзших оконных стёклах – это свет от автомашин, проезжающих по дороге, проложенной по берегу пруда. Агафья Ивановна бродила по кухне, шаркая «чунями», одновременно напевая себе под нос странную песенку:

Эта шапочка да соболья
На окошечке да лежал-а-а-а
Тут Гаврюшка подъезжает
Эту шапочку хватает. Ай – ай
Для невестушки для дорогой
Пии – матушки да свет баской-ой-ой...

– Бабушка, а что ты там мурлычешь? – очень скучно, – вылезая из-под одеяла, крикнула девочка. – Современные песни надо петь!

– Да вот былое вспомнила... Запеканку картофельную сделала, – ты её любишь...

– Ты мне лучше про «старину» расскажи...

– Вначале умываться, зубы чистить, а то вся уже моя скотина позавтракала, а ты только встаёшь.

– И кот уже ел?

– Молочка козьего попил. Как твой дед Марковой умер, так он совсем притих – чай более года мучается: они большими друзьями были. Ну, поторапливайся пока запеканка ещё не остыла...

Через полчаса Агафья Ивановна, примостившись на кровати, начала повествование,

– Давно это было, пожалуй – что и меня на свете ещё не было, одним словом: ещё при царе. Все заводы в нашей округе работали нормально. Для того чтобы выплавлять качественное железо необходим был древесный уголь. Этим делом занимались углежоги. В нашем районе особенно много углежогов проживало в Ижбалде и Печах, которые находились вблизи ныне существующей станции Вогулки. Сами названия населенных мест говорят о работе их жителей.

– Бабушка, название: Печи – я поняла, а Ижбалда – нет? – прерывает неожиданно рассказ Леночка.

– Вот, неугомонная, всё прояснится в самом сказе, – не перебивай, а то сбиваешь меня с мысли... Проживало в Ижбалде семейство углежогов Ковиных; справные были люди. Вот только для всех углежогов в деревне была одна проблема: не было своих невест. По неизвестной причине у них рождались одни мальчики, а если родится девчонка, то уж больно лицом – то неказиста⁴. Вот и искали они невест для сыновей по всей округе, порой даже уворовывали...

Делали это, конечно, по сговору, в тайне от родителей невесты. Впрочем, многие девушки соглашались добровольно бежать от родителей к углежогам, так как они жили побогаче, да и справы, то есть работы по дому у них было меньше, чем в обычных крестьянских семьях. Основная масса углежогов были старообрядцами-беспоповцами, и всё же девушки шли за них замуж порою меняя веру...

В самом устье реки Козьял жило семейство Микешиных, и была у них из трёх дочерей младшенькая Пия четырнадцати лет. И позарился на неё сын углежогов Ковинных Гав-

⁴ Неказистый – некрасивый, безобразный, неважный с виду.

рил, но свататься не стал, так как Микешины были «австрийской»⁵ веры, а решил сделать сговор через соседку Микешиных Марфу, которая приходилась родной тёткой девушке. Пригласила она племянницу в гости и повела разговор: пришло мол время тебе замуж выходить; родители «выпехнут» – и только. Лучше тебе самой судьбу выбрать... Здесь ко мне парень ходит; обещает одеть в соболя, серьги золотые хочет невесте купить, да и работы у них по дому немного – не у вас крестьян: навоз, сенокос, огород... У них всего одна корова – вот и вся работа, – легонько за ним век – то проживёшь. Видный парень... Такие разговоры заводила с племянницей тётушка несколько раз. Невдомёк Пиюшке было, что Марфа задарена была углежогами.

По глубокой осени Пия согласилась; ушла она около полудня к тётушке, сказав родителям: вечером вернусь, и всё тут! У тётушки её ждал жених на лошадях. Посадил он невесту в сани и покатил а Ижбалду. Плачет Пия, но от своего слова не отказывается, да и жених ей приглянулся. В те времена в Ижбалду ездили через Козьял-речку, на ней, в верховьях жил отшельник – старообрядец-беспоповец Евлан по фамилии Терехов. У этого Евлана была длинная рыжая борода, как у козла – вот и дали ему прозвище: Козьял, то есть козлиная борода. Теперь это название закрепилось за речкой и населённым пунктом. Родители девушки вскоре хватились дочери и чуть не прибили родственницу Марфу, с которой позднее не имели никаких отношений – поссорились на всю жизнь. Микешины, отец с двумя сыновьями быстро запрягли лошадей и бросились по санному следу в догон. Погоню первым увидел Гаврил и страшно испугался. Евлан, к которому заехали молодые, успокоил беглецов, и налив в большой чугун воды начал тихо пальцем водить по его краю. И тут свершилось чудо: погоня на двух лошадях начала кружить вокруг скита. Беглецы видели, как ничего не понимая, непрестанно ругаясь преследователи кружили вокруг скита строго следуя за пальцем старца в чугунке. Наконец полностью измотав Микешиных и их лошадей, Евлан вынул палец из посуды направив его в сторону уже бывшего дома невесты. Преследователи направились обратно домой так ничего и не осмыслив; они думали, что их «водила» нечистая сила. Когда погоня удалилась, старец перекрестил Пию, а затем и «окрутил» молодых, – он у беспоповцев был уставщиком, то есть исполнял обязанности священника. Вот так и прибыла Пия в Ижбалду на следующий день в качестве жены Гаврила Ивановича Ковина. Ещё за версту до деревни она увидела как над лесом клубится синеватый дым. Это жгли кучёнки. С помощью таких печей получали древесный уголь. Хороший уголь не у каждого углежога получался. Часто бывало, что кучёнок⁶ начинал «баловать» и прогорал полностью, не оставив владельцу угля, углежоги «говаривали»: Огневик шалит, если ему попустительствует Чёрный Дедок. Особенно Чёрный Дедок не любил торопливых, хвастливых, вздорных углежогов. Жили там братья Шамарины – хваткие ребята, но не было в них степенности, аккуратности в деле, – вот и не любил их Чёрный Дедок. Однажды старший брат Селиван Шамарин трамбовал кучёнок большой балдой – такое бревно с двумя ручками, – и видимо так сильно ударил по кучёнку, что огонь вырвался из него, может он большие продухи для воздуха сделал, чтобы ускорить получение угля, или был другой недостаток, – упал Селиван прямо в огненный кучёнок. Младший брат позднее угорел на кучёнке; лёг погреться и всё тут... А вот семейство Ковинных с Чёрным Дедком в дружбе было: кучёнки у них не баловали. Деревню называли по трамбовке: Иш – балда, то есть одна работа – балда и балда. Тоже самое говорили в отношении углежогов, которые не могли готовить хороший уголь. Позднее название: Иш-балда перешло в Ижбалду, – вот и ответ на твой вопрос об имени этой деревни.

⁵ «Австрийская вера» – старообрядцы, которые довольствовались соблюдением древних обрядов и мирились с переходящими к ним священниками из никониан.

⁶ Кучёнок – дерновая печь для получения угля, в которой в особом порядке укладывались дрова.

Приняли сноху у Ковиных хорошо, и сильно – то работой по её малолетству не загружали. Через три месяца молодые в сопровождении родителей Гаврила поехали к Микешиным; бросились они в ноги к отцу и матери и стали просить милости родительской. Отец Пии для видимости похлестал молодых вожжами – на этом и примирились.

Прошло ещё три месяца, и неожиданно Пия «заикнулась» мужу о чёрных соболях, о которых ей говорила тётка Марфа.

– Это мы быстро справим, – ответил муж. – Пошли к Авдеевскому кучёнку, – они только вчера его распотрошили...

Подожли они к кучёнку, а он – Гаврил – то взял – да зачерпнул лопатой угольную пыль и высыпал жене за шиворот⁷.

– Ну, чо! Поймала чёрного соболя! – смеётся он. – Вот такие у нас углежогов соболя.

Оказывается у углежогов была такая шутка: поймать черного соболя – значит обсыпаться угольной пылью.

Сильно пообиделась Пия, но особого вида не подала, – не гоже было женщинам по тем временам мужчинам обиды высказывать – могли и поколотить.

По осени углежог вывозили уголь в санях на заводы. На ближайшие заводы уголь иногда возили и женщины, ибо мужчины следили за кучёнком. Вот однажды на Сылвинский завод повезла уголь и Пия. Она пристроилась в самом конце обоза, и когда поднялись на Половинку – гору между Ижбалдой и Сылвой, то на ней, на поле, возле скирды заметила тлеющий огонёк. Остановила она лошадь и подбежала к скирде. А там она увидела, как небольшой, всего с вершок ростом мужичок раздувает тлеющую солому в скирде. Как он дунет – так огонёк появится... А другой черный мужичок как дунет – так огонёк исчезает, чернеет... Борьба между ними была нешуточная. Пия сразу поняла, что были Огневик с рыжей бородой и Чёрный Дедок, который покровительствовал старательным углежогам. Взяла девушка пригоршню снега и бросила его на тлеющий огонёк... Зашипел Огневик, запузырился, и исчез, а Чёрный Дедок заплясал от удовольствия, так и ходит вприсядку вокруг Пии да приговаривает,

– Ай-да, девка хороша – заслужила соболя! «Семь черных кругов сделал вокруг женщины Чёрный Дедок и исчез, только остались на снегу три шкурки черного соболя.

Вернулась домой, в Ижбалду, женщина с пустым обозом, поздно вечером. И показывает Пия мужу, свёкору, свекровке и другим домочадцам черных соболей, а те и глазам не верят! – Вот ведь счастье: сам Чёрный Дедок снохе показался – быть счастливой и богатой. Так оно и получилось. Много хорошего угля продали Ковины и на вырученные деньги построили на берегу реки Сылвы большой дом. В Шамарах. И теперь ещё много в тех краях живёт потомков Ковиных, более всего в Шамарах и Горе. А шубу с соболиным воротником Пия носила аж до самой старости.

– А где теперь живет Чёрный Дедок? – осведомляется внучка.

– Трудно сказать, но мне думается, что часть из них стала обычными домовыми, и охраняют дома, жилища от пожаров. Там где домового почитают, в том доме и пожаров нет: он враждует с Огневином с испокон веков... Ох, заболталась я с тобою – пора уж идти коз поить, до обед готовить, – она поднялась с кровати и направилась на кухню.

⁷ Шиворот – ворот, воротник рубахи или верхней одежды; загривок.

Кедрач

Утро очередного январского хмурого дня. В комнате привычно темно, лишь из-за ситцевых занавесок пробивается слабый свет с кухни. В ногах у девочки, на кровати, ворочается кот Серко – так назвал его ещё дедушка, за два года до своей смерти. Кот настолько привык к деду Марковею, что постоянно ходил вместе с ним и в магазин, и коз пасти, и даже на приём в поликлинику, но уже почти год необычно спокоен и тих, как будто хранит печаль о своем настоящем товарище, которого уже нет. Спать любит кот всё же в тепле и на кровати – приручил дедушка.

– А, бабушка, что-то стряпает», – сразу, по запаху, определила Лена, поднимаясь с кровати. Почистив зубы, вымыв лицо она пришла на кухню, присела возле стола.

– Доброе утро, бабушка! Ты вчера вчера обещала мне рассказать про гуменника? – обратилась девочка к хозяйке избы.

– Доброе утро. Только вначале нужно шаньги отведать, потом расчистить тропинку от снега во дворе – помочь старушке, а уж потом сказы творить... Согласна? – сделала деловое условие Агафья Ивановна.

– Конечно.

Примерно через час, когда бабушка взяла в руки вязальные спицы, девочка вернулась со двора. Скинув пальто и валенки, она уселась напротив бабы Гани и приготовилась слушать новую историю из «старины».

– Это случилось во время Первой мировой войны. Обосновалась на самой вершине горы – там был родник – одна монахиня по имени Мария. Гора – то находится теперь можно сказать в центре посёлка Вогулка; там расположена улица Нагорная. Кроме родника там рос огромный кедр – большая редкость в наших краях. Именно возле кедра монашка и обустроилась в скиту. По слухам там было капище – языческий храм народа манси, который жил здесь до прихода русского народа на Урал. Этот народ христиане называли вогулами, в честь богини – Вогулы, которой этот народ поклонялся.

– И Бог принимал у язычников молитвы? – неожиданно решает прояснить вопрос девочка.

– Бог у всех один, – и их он тоже возлюбил, ибо и они его творение. У монашки была девочка, по всей видимости дочь, а может и приёмная, – лет пяти, пожалуй, не более, – с памятью – то у меня не больно хорошо. Жили они скромно: огородничали, собирали ягоды, грибы. Монахиня совершала определённые обряды среди старообрядцев: крещение, поминки, или иное дело по вере справит, – без этого тоже нельзя было жить. Плата за молитвы была невелика, но женщина стойко переносила все лишения. В трех километрах от скита, на хуторе Козьяльское поле, жило семейство Лопатиных, у них было трое детей. Вот перед самой революцией у них умирает старшая дочь Анна, а ещё через две недели сын Иван. По-«нонешним» временам врачи нашли бы заразную болезнь, от которой умирают дети, а при царе – батюшке всё население не иначе считало, как проделками нечистой силы. И сейчас нечисть много народу приносит неприятностей, только оскудевший разумом человек не замечает этого. Вот и пришла Пелагея Лопатина – хозяйка хутора к монашке Марии и попросила её почитать молитвы: одним – за упокой, а другим – за здоровье, чтобы мор не одолел последнего дитя – пятилетнего Сашеньку. В просьбе женщины Мария не отказала, и уже начала укладывать богослужебные книги, как её дочь Катя и говорит, – она весь разговор слышала,

– Гуменника изгоните вначале из избы, а потом молитвы творите...

– Что ты речёшь неразумная? – попробовала её урезонить монашка.

– Духом чувствую, что гуменника занесли с соломой из овина, когда телят, после отёла, в избу заносили... О скотине позаботились – перенесли из стойки, чтобы банник или другая

нечисть не уморила, а о детях не подумали! – неожиданно резко «выпалила», как на духу, девочка.

– А как его – заразу из избы – то вытолкать? – заинтересовалась у неё хозяйка хутора.

– Чего проще: калёной кочергой по углам избы нужно поводить, и всё тут... – ответила Катюшка.

Пришла монашка с Пелагеей на хутор и выполнила всё так как им говорила девочка. Когда ткнула Пелагея горячей кочергой под лавку, возле дверей, то там что-то «сфыркало», «чомгнуло», а затем двери в избу сами собой открылись.

– Выскочил гуменник, – заверила Пелагею и хозяина хутора Варфоломея, Мария. – Пора на молитву вставать..

– А как про гуменника – то Катя узнала? – спрашивает Леночка свою бабушку.

– По всей видимости, хозяева хутора, когда закончили работу в овине забыли поблагодарить гуменника или овинника, как его ещё называют, – вот он и осерчал... Раньше это в обычае было. Ну, а то что девочка знала о болезнях людей – то, так это дар Божий ей был дан. Она видела все события повсюду, и ведала какие события будут, – обычные люди, как мы с тобой, порою и себя понять не можем... С тех пор прошло много времени. Добрых дел, сделанных монашкой Марией с дочерью было не счесть. Много раз она собиралась покинуть это место, переселиться, только её дочь, всё время останавливала её, говорила: не пора ещё – не закончилась наша молитва здесь.

А тут уже начались гонения на монастыри и церкви, а вскоре на Урале началась коллективизация: хутора начали сгонять с насиженных мест, – переселяли в деревни. Большинство крестьян переезжали неохотно, – на хуторах привольнее было. Монастыри и церкви к тому времени закрыли, религиозные обряды справляли тайно. Монахиня Мария уже была в преклонном возрасте, а вот дочка Катя расцвела, прямо красавицей стала: глаза большие, голубые, брови дугой, черты лица строгие, а лицо как у царицы – беломраморное... При большой мудрости она была и скромна и деловита. «Положили» на неё глаз двое юношей: Александр Лопатин, которого она спасла от смерти, и переселившийся с далёкого хутора Рогожников Тарас. Дело у них чуть до смертоубийства не дошло; оба думали, что Катюша не любит его по вине соперника, но она никому не оказывала предпочтения. Однажды Александра подкараулил Тарас на дороге в монашеский скит, и ударил сзади жердью по голове. Конец бы Александру был, но Катюша с матерью нашли его, – она провидицей была, – и уже мёртвого, бездыханного доволокли в гору, до своего острога. Положили тело под кедром, впрыснули на него святой водою, и начала Катюша делать над ним какие – то странные движения. Вдруг с её рук вылетел огненный шар и вошёл в грудь юноши и покойник начал розоветь прямо на глазах, и тут же светящийся луч вырвался из груди юноши, воспламенив хвою кедра, – очень намолённое место было.

– Да, там энергетика большая была, поправляет девочка бабушку Ганю.

– По вашему – энергетика, по нашему – намолённое место, ведь не один век вогулы здесь молились. Огненный луч как быстро вспыхнул на груди юноши, так быстро и угас, только монахиня Мария молвила, сожалея,

– Что – ж ты, доченька, всю суму отдала?

А она в ответ,

– Теперь нам пора уходить отсюда, – наша молитва здесь закончилась...

На следующий день их уже здесь, у нас в районе, не было; ушли они из этих мест, сказывали: в Сибирь. Там Екатерина под другим именем должна была более полувека ещё молиться, чтобы в России жизнь по – свободе была; у неё такое предназначение было: семьдесят лет молитвы читать... Вот её молитвы и исполнились...

– А какую – такую суму она отдала Саше? – выразила недоумение внучка.

– Сумой называли силу Духа животворящего, – у каждого она своя. Вот каждый со своей сумой и ходит по свету: у кого большая, а у иных маленькая, пустая. У юной монашки Екатерины сума была огромная, – для нас не подъёмная... – сделала пояснение баба Ганя, продолжив рассказ. – Позднее Александр долго переживал из-за Екатерины, даже в леса ударился: решил по осени под медведя – шатуна попасть. С хозяином леса встретился неожиданно и твердо без оружия решил помериться с ним силою. Только решил он ревушего, стоящего на задних лапах зверя схватить, да вдруг светлый шар между ним и медведем появился... Удар был такой силы, что у медведя шерсть загорелась на груди, одним словом: медведь, рывкая от боли, побежал в одну сторону, устилая дорогу помётом, а Алексашка в другую; понял он: в очередной раз его спасла Екатерина. После этого случая на него пробовал напасть Тараска, – да у того получилось это, как у медведя, – штаны напрочь испортил.

Женился Александр на простой девушке из деревни Печи; она нарожала ему семерых детей из них пять сыновей, – один другого здоровее. Был Александр и на войне с германцами и с японцами; до сорока раз ходил в атаку, и не одного даже ранения... Умер он совсем недавно, не более пятнадцати лет назад. И нашли у него на груди небольшой металлический, из серебра видимо, медальон, на котором с одной стороны был вырезан кедр, а с другой облик красивой девушки, по всей видимости Екатерины. Он видать всю жизнь её любил: с женой был неразговорчив, хотя никогда не бил, не материл... Только прозвище: Кедрачи, с тех пор прижилось за его сыновьями, – народ думал: сила, здоровье Александра были от могучего кедра, который раньше находился на самой высокой горе станции Вогулка.

Сылвицы

Конец марта на Среднем Урале обычно считается началом весны. Обильный снежный покров уплотняется и постепенно оседает, обещая обильные и мощные водные потоки. С южной стороны домов снег становится рыхлым и ноздреватым: днем подтает а ночью покроется тонкой ледяной корочкой. В этих ранних весенних «оазисах» появляются первые признаки ожидаемого лета: крупные мухи или бабочки – крапивницы греются в лучах солнца на тёплых стенах домов. Куры, выпущенные добрыми хозяевами на улицу, тоже держатся на этих относительно теплых участках земли. Клочки сена, навоза возле хозяйственных построек дополняют картину только – только вступающей в свои права уральской весны.

Второй день гостит у бабушки Леночка: в школе весенние каникулы. Она сидит напротив окна, щурится от солнца и дергает без причины за уши кота, который развалился на кровати. Серко передёргивает уши, отворачивается от назойливой девочки, но убежать не спешит, только недовольно мурлычет в полудремоте.

– Не мучай кота! – назидательно говорит баба Ганя. – Лучше положи кусочек сухаря под печь, Ерошка там начал вожгаться!..

– Домового жалеешь, а мне о нём, даже ничего не расскажешь, – недовольно протянула девочка, направляясь на кухню. – А кто его, твоего Ерошку, видел? Эй, домушник, покажись?

– Зазря домового не тревожь, он свое дело знает, – немного посерчала Агафья Ивановна. – Ерошка с нами приехал из Глухаря, жил там в новом домике, построенном для лесника, твоего деда Марковea. Вот с тех пор за нами и следует... А как иначе? Положила корочку?

– Положила, да там его не видно.

– Значит, для тебя не пришло время. Садись, буду сказ творить, а ты слушай и вникай. В жизни люди, бывает, большие пакости друг другу делают, а разная нечисть, порою, лучше их бывает... Это случилось давно, ещё до образования Шалинского района. В то время на этой территории было два района: Шамарский и Староуткинский. В Шамарах, почти в центре поселка, возле лога жило семейство Черниговых. Хозяином там был Федор Иванович. Ложок – то в Шамарах до сих пор прозывается Черниговским. На железнодорожной станции, где проживала основная масса народу, у Пестимии Шамариной, вдовы, была красавица дочь Васса, или, как ноне говорят: Василиса. Девушка работающая, приветливая, скромная – завидная невеста для любого парня из посёлка. Но она никого, кроме Ивана Чернигова, не замечала. Вскоре началась коллективизация. Многие коммунисты по той поре, чтобы выслужиться перед начальством, то посулами, то угрозами загоняли крестьян в колхозы. Вступил в колхоз и Федор Иванович вместе со всем семейством – не решился идти против властей. Он сдал в колхоз двух коров, двух лошадей и до десятка овец с хозяйственным скарбом: телегами, санями, лошадиной сбруей, плугом, боронами. Федор Иванович понимал, что в колхозы всё равно придётся всем вступить, власть своё возьмет. Мудрый был человек.

Больше всех в Шамарах над народом изгалялся Родя Попов – его в народе называли не иначе как «созлый коммунист». И на беду его сын, Еремей, такой же, как и отец, никудышный, ленивый и драчливый парень, захотел иметь в невестах Вассу Шамарину. Только она на него и не смотрела. Он разными путями пытался привлечь к себе её внимание: дарил пряники, платки и даже привез из Кунгура духи «Персидская сирень» – самые модные по тем временам. Васса все подарки вернула обратно. Вот и пожалился никудышный женишок своему отцу на строптивую девку. «Созлый коммунист» рассудил по своему,

– Сначала уберем соперника. А уж потом и её можно легонько взять... Пиши донесение в органы.

Вот и состряпал Еремей донос, где сообщил: Чернигов Федор Иванович по социальному положению бывший кулак, служил в царской армии унтер – офицером и за свою службу имеет орден и медаль, никому об этом не говорит. В колхоз пошел не по идейным соображениям, а вынужденно. И подписал: Дворник – под такой кличкой проходил в органах милиции Ерёмка Попов.

Через неделю после доноса, ночью, к Черниговым пришли три милиционера. Ночных визитов этих незваных гостей тогда все боялись, знали, зачем те приходят: хулиганства и грабежей по Шамарам не было. Жена и трое маленьких детей Черниговых плакали во весь голос. Только Иван угрюмо смотрел на милиционеров, которые торопили Федора Ивановича. Отец лишь успел на прощание сказать,

– Перед властью у меня, видит Бог, вины нет.

Следствие длилось не долго: отца – Чернигова отправили в Архангельскую область, на лесоповал, сроком на десять лет.

После этого Ерёмка – по другому его в народе и не называли – предупредил Ивана: если он будет ухаживать за Вассой, то, как и отец, отправится на лесозаготовки. Не вытерпел Иван и ударил сына «созлого коммуниста» кулаком по лицу, назвав его подлецом. Буквально через день в органы пришёл донос от «Дворника» и на Ивана. В кляузе Ерёмка написал: Чернигов Иван Федорович занимался хищением колхозного имущества: унес с колхозного склада к себе мешок ржи под предлогом недополучения её отцом, врагом советской власти Черниговым Федором Ивановичем.

И Ивана упрятали в лагерь, тоже на десять лет, вышел от оттуда во время войны с фашистами. А Ерёмка после такой пакости думал, что женится на Вассе. Он её предупредил: если не пойдешь за меня, то и твою мать сгноим в лагерях... Долго думала Василиса и за неделю до свадьбы, перед самыми петровками⁸, в конце июня, ушла на реку Сылву и бросилась в омут, что выше Черниговского лога. Там и теперь ещё очень глубоко.

Ерёмка – горе – женишок – после этого сильно запил и совершенно перестал совеститься людей: то за брагой залезет в чей – то погреб, то, похабник и бесстыдник в баню к девкам заползет... А уже в августе – месяце пошел он как – то в пьяном виде на реку... Что там произошло, не ведают, но нашли Ерёмку мертвым на перекате, что выше Черниговского лога. Нос и рот у покойника были забиты пеной. Народ рассказывает: растрёпы, космачки, нечёсы, чертовки защекотали его до смерти. Это всё русалки, среди которых была, наверное, и Васса. Кротким нравом русалки не отличались. Поэтому летними ночами по этой реке слышится дикий хохот и плач. Отбыв десять лет на лесозаготовках, вернулся на родину Иван Чернигов. Родственники ему всё рассказали.

За это время подросли его две сестры и брат Николай. Отец семейства. Федор Иванович, остался навсегда в архангельских лесах – не хватило здоровья претерпеть все лишения. Пообщался Иван с роднёй и отправился на берег реки. В это время в заводах расцвели кувшинки. И вдруг услышал он тихий и нежный шепот Василисы,

– Иди ко мне, мой долгожданный!.

Екнуло сердце мужика, и он, не раздумывая, бросился в воду. В тот же миг на реке зазвучали свадебные мелодии тальянок.

– Лучше бы, бабушка, свадебный марш Мендельсона, – вмешалась в рассказ Агафьи Ивановны девочка.

– В те времена, у нас, здесь такой музыки не было – откуда ж её и сылвицам было знать? Сылвица – это русалка, которая выходит замуж каждый год в июле – месяце, когда цветут белые кувшинки. Они зовутся у нас василинами. Такой июльской ночью, там, где в заводах растут эти цветы, можно и сейчас услышать свадебные мелодии гармоник. Даже дикая и бурная река

⁸ Петровки – пост перед Петровым днем, 12 июля.

Сылва замирает, глядя на сылвицу Вассу и её долгожданного жениха Ивана. А ещё бытует поверье: если кто сорвет белую кувшинку – василину, то счастлив сможет быть только среди сылвиц.

– Я, бабушка, никогда рвать цветы не буду, – испугалась внучка.

Погладив девочку по волосам, баба Ганя поднялась со стула.

– Пора на стол собирать, внучка – то у меня проголодалась.

– Ага. А чем питаются сылвицы в реке, бабушка? – интересуется слушательница.

– Не знаю. Пока наши ученые на этот вопрос не дали ответа, – лукаво улыбнулась старушка.

Кот Чирок

Утро. В тёплой, пахнувшей сеном постели, – бабушка Ганя обычно набивала матрацы свежескошенной тра-вой, – ворочается Леночка; она проснулась... Вот её рука под одеялом тянется в ноги и хватает лежащего там кота Серко; девочка вновь ради шутки начала дергать его за усы. Кот довольно громко и сердито «заурчал».

– Лена, ну что ты кота-то мучаешь, изгаляешься? – вступилась за животное баба Ганя, спускаясь с русской печи, на кухню; она там «разогревала» суставы ног.

– Лучше вставай, умывайся, садись за стол, а потом займись уборкой в избе.

– Ага, – выпуская кота из рук, ответила девочка, – и чего ты бабушка его жалеешь? – Они – животные ничего не понимают, только и умеют, что мышей ловить да молоко лакать!

– А вот сделаешь уборку – облегчишь бабушке жизнь – расскажу об одном коте, который своего хозяина дважды спас от смерти, вот и посмотрим: как ты будешь думать о котах и собаках, – возразила внучке Агафья Ивановна.

– А моя другая бабушка Аня говорит: в кошках и собаках только черти могут обитать, – поднимаясь с постели продолжала ерничать девочка.

– Может и такое бывает, но и по – другому случается... Только вначале тебе внучка поработать надо, прежде чем дело дойдет до рассказа.

Часа через два бабушка прилегла на постели, прикрывшись пуховой шалью, а рядом, с котом на коленях, примостилась внучка, она уже с нетерпением ждала очередной сказ.

– Это было в начале двадцатого века, почти сто лет назад. В те времена на месте нашего районного центра рос вековой ельник. Серапион Сафонов не построил своего дома на Сипиной горе, на которой мы сейчас с тобой находимся, – в честь его, первого жителя Шали, названа эта горка. Он в оные годы прожил ещё в Сылве, и был в возрасте не более пятнадцати лет. О Серапионе, или просто Сипе мне поведала его дочь Елизавета, которая проживала в его доме, да вот совершенно недавно отдала Богу свою Душу.

В начале века начали здесь строительство железной дороги. Подряд смог получить богатый кунгурский купец Половинкин. Хороший он был человек или плохой – мне не известно, но до сих пор между населёнными пунктами, у нас в районе, существуют на дорогах особые отметки: половинки. Раньше на строительстве дороги приказчики часто рабочим выдавали не всю заработную плату. В этом случае рабочие иногда, если было время, жаловались купцу Половинкину. Про тех кто смог выбить свои деньги в народе обычно говорили: они дошли аж до «Половинки», то есть прошли самый трудный участок пути. Вот так с тех пор и живет в районе память об этом человеке. Дойти до него было трудно, ибо он большую часть жизни жил за пределами Кунгура.

В начале железную дорогу хотели проложить через село Сылву от станции Вогулка до станции Сарги, но часть богатых жителей села Сылвы во главе с Булычевым – у него было много земли – смогли подкупить проектировщиков, и дорога прошла через крутые горы. В горах надо было делать глубокие выемки, а низины, лога засыпать камнем и грунтом.. Камень частью брали из выемок, а дополнительно ещё «ломали» на речке Шале и Варлашовке. Везли камень на лошадях. Котлованы строили из тесаного камня – такие большие трубы для пропуска воды в логах. Подобную работу выполняли только рабочие из Москвы или Петербурга. На выемке породы из выемки а горе использовали только кайло, лом и лопату. Вывозили породу тачками, грабарками – тачками на четырёх колесах., иногда использовали вагонетки: под гору они катились по рельсам, а в гору затаскивали их лошадьми, – экскаваторов в те времена ещё не было. Особенно много неприятностей доставила выемка на Шатлыке, возле разъезда Пастушный.

Вот и отправил однажды Лаврентий Сафонов своего сына Серапиона с подводой на строительство железной дороги, дабы заработать для семьи лишнюю копейку. Направили приказчики мальчугана на Шатлык. Вместе с мальчиком из родного дома выехал и кот Чирок, – увязался за подводой и всё тут, – хоть что делай! Чирком его прозвали после того, как он однажды как собака сплавал за уткой, подстреленной на сылвинском пруду. В выемке к тому времени почти весь грунт выбрали, как было положено по проекту, а в самой середине остался монолитный столб из неизвестного всем материала, который не могли разрушить кувалдами, решили взорвать его порохом. Заложили для этой цели тридцать зарядов – рванули. Рабочие с кувалдами и возчики на подводах направились к центру выемки. Хотел туда ехать и Серапион, да только кот Чирок неожиданно прыгнул с крыши казармы, где временно обитали рабочие, прямо на шею лошади Сафоновых, которая со страху бросилась по дороге домой, в Сылву. За лошадьё побегал мальчик; поймал он её только через два километра, и когда возвращался обратно, то вновь услышал взрыв. Это «грохнули» неразорвавшиеся заряды, когда рабочие ударили кувалдами по столбу. Погибло тогда трое рабочих и двое возчиков. В начале – то Серапион, со злости, потаскал кота за хвост, но после того, как понял, что кот своим поступком не позволил ему попасть в выемку – обрадовался, и начал его прикармливать рыбой. Через пять дней, после похорон погибших при взрыве рабочих, вновь решили этот «треклятый» столб взрывать, ибо первый подрыв не причинил ему никакого вреда. Заложили на этот раз аж шесть десятков зарядов. После того, как прогремел взрыв рабочие въехали в выемку, а столб как стоял – так и стоит! Только Серапион опять не смог приехать, кот вновь с подводы прыгнул лошади на гриву, и та «залетела», не слушаясь вожжей хозяина, в болото. Пока он в болоте скыркался⁹ с лошадьё, в выемке рабочие начали стучать кувалдами по столбу, и вновь произошёл взрыв неразорвавшегося заряда, – погибли и рабочие и возчики... После этого случая рабочие уже боялись заходить в выемку. Пригласил тогда купец Половинкин отца Сергия. Поп побрызгал святой водою на столб, почитал молитвы и он – столб, на глазах изумлённой толпы рухнул. В основании столба увидели отпечаток петушиной лапы, размером более двух метров. Вот тут все поняли: это был сам дьявол, который держал столб и не давал строить дорогу. Потом этот столб, когда пустили по дороге поезда увезли в Петербург для какого – то музея.

– Бабушка, да это отпечатки лап динозавра были, которые здесь жили очень давно, – дала пояснение старушке учёная девочка.

– Ученые многое знают, но почему не ответить на то, что этот столб не упал от взрывов и рухнул от святой воды? Почему кот Чирок спасал таким образом мальчика Серапиона? Можешь ответить? – настойчиво вопрошала к девочке баба Ганя.

– Учёные найдут ответ и на эти вопросы, но кота Серка я не буду дёргать за усы: вдруг он такой же умный, как Чирок...

– А сейчас почитай книгу, пожалуйста, – я немного по старости вздремну...

– Спи, баба, а коту я прочту сказки Пушкина, – радостно воскликнула девочка.

– Он это оценит. – зевнула бабушка Ганя, обозначив единственный зуб в полости рта.

⁹ Скыркаться – грести, отскабливать, отгребать. Выгребаться из чего – то, скрестись в чем – то (земля, болото, яма).

Святая Маргарита

Наступило благодатное лето. Жители района, – даже по уральским меркам сурового края, – «окунулись» в огородные заботы; зимняя хандра уступила место деловой активности. Вот и Агафья Ивановна, вопреки болезням, после утренней молитвы направлялась в огород на прополку сорняков. Эту работу она старалась выполнить пораньше, до того как солнце начнёт припекать. Заканчивая очередную грядку и думая о том, что вечером нужно будет поливать культурную растительность на участке, – уж, немилосердно солнце жарит, она вдруг услышала знакомый тонкий голосок внучки.

– Бабушка, я к тебе пришла на целых две недели! Мама с папой отпустили... Они в субботу к тебе придут.

– Иду, – поднимаясь с коленей, ответила баба Ганя. – Будем сейчас «чай гонять», а к вечеру опять в огород, да не забыть: коз ещё нужно пасти... А чего Егорку – братишку не привела?

– Одни пакости от него, – мама не отпустила, а я помогать буду, – открывая для бабушки калитку в огород, заявила девочка.

– Молодец, коли имеешь доброе намерение, – поощрила её хозяйка усадьбы. – А я тебе расскажу легенду, которую привёз из Рощи твой покойный дед Марковой; он бывал там в командировках, работая в пятидесятых годах лесником в Шамарском лесхозе.

Через час после того, как старушка напоила внучку чаем со сдобными булочками, она начала повествование.

– Эта история началась сразу после революции семнадцатого года. В Роще. По тем временам большого села, жили в соседях два паренька. Один был бедный Гринька Бражников, а другой сын местного купца Телепова – Филимон, которого сельские звали не иначе как Филя, – уж очень для богатея он был прост. Купеческий сын учился в Нижнем Новгороде, в кадетском училище, но после революции, весной 18-го года прибыл домой, не закончив обучения. Гринька Бражников стал активистом новой власти, а Филимон помогал родителям на покосе и на пасеке; у Телеповых была большая пасека, более двух сотен семей... Так случилось, что юноши влюбились в одну девушку по имени Маргарита. Она была синеокой, белолицей и необычайно кроткой и чуткой. Если в её присутствии громко заплачет ребёнок, то она падала в обморок. В чувство её приводили ударами по щекам или же обливали водой. Гринька неоднократно засылал сватов к Мельцыным – родителям Маргариты, но девушка не давала своего согласия. Очень «осерчал» Бражников ибо думал: виновен во всем Филимон Телепов, которому Маргарита отдаёт своё предпочтение. Родители девушку не неволили, но интерес всё же проявили: почему она отказывает Григорию. Отвечала она им более чем странно: неужели, Вы, хотите выдать свою дочь за волка; он – зверь. Дивились родители, но спорить и возражать не решались.

– А за кого пойдёшь? – спрашивали они.

– Филя будет мне небесным женихом» – кротко отвечала она.

Белая армия во второй половине лета заняла полностью наш район. Гринька Бражников ушёл вместе с частями Красной Армии на Пермь. Через год он вернулся уже командиром роты. Для разведки он выслал небольшой разъезд из деревни Симонята в Рощу. Этот отряд каким – то образом перехватили белые, и полностью его уничтожили. Позднее всех погибших красноармейцев похоронили в Малых Урмах, там и сейчас стоит памятник. Белые, которые разбили отряд красных благополучно ушли на деревню Павлы и дальше на Лысьву.

Когда Бражников с красноармейцами вошёл в Рощу то первым делом распорядился расстрелять отца Филимона, ибо думал, что Телеповы навели белых на разведывательный отряд красных. На следующий день он приказал привести к себе Филимона, который занимался похо-

ронами отца. Гринька велел сорвать с земляка одежду и заставил красноармейцев водить его в обнаженном виде по селу; его били кнутами. Филимон однако сохранял твердость духа. Он только всем говорил, что умирает невинным, и просил народ не верить «красноперикам», которые ради лживой правды лишат их полностью свободы. Возмутились жители Роши, даже собственный отец Гриньки плюнул ему под ноги. Понял красный командир, что зверски мучая Филимона, ему авторитета селян, а тем более сердца Маргариты не завоевать, и решил действовать иначе.

На следующий день он увёз Филимона в Симонята. В этой деревне жила колченогая девушка, с мелкими гнойничками по всему телу.

– Женись на ней – живым останешься! – приказывает Бражников пленнику. Но юноша был твёрд,

– От Маргариты я отказаться не могу...

Крепко били красноармейцы младшего Телепова, но тщетно. Тогда и приказал Гринька увезти подальше в лес соперника и там его убить. Утопили парня примерно в двух километрах от Симонят в глубоком Сылвенском омуте. Теперь этот омут называют не иначе как Филина яма. Левый крутой берег реки, из глины желтого цвета, в одночасье, стал темно – фиолетовым, – очень траурный вид... С тех пор эта глина используется населением в лечебных целях.

Когда Филимона утопили, то Маргарита упала в обморок. Родители едва смогли вернуть её к жизни.

– Но, как она смогла узнать о гибели Фили? – удивляется девочка.

– Некоторые люди живут не только нашим обычным временем, но и вечностью, где присутствуют все времена. Вот у Маргариты, избранной Богом было такое свойство: она проживая на Земле, уже пребывала в вечности... – Пояснила Агафья Ивановна, продолжив рассказ. – После того как Маргарита очнулась от обморока, то сразу отправилась в скит, который располагался на левом берегу Сылвы, почти напротив нынешней деревни Низ.

Гринька Бражников сделал ещё раз попытку посвататься к ней, но она отвергла его со словами: уйди прочь, душегубец! Он ушёл с частями Красной Армии на восток; вернулся в родное село через два года. Женился Гринька на девушке из деревни Коптелы., но стал сильно зашибать спиртным и постоянно бил жену; она ходила почти постоянно в страшных глубоких царапинах, как будь-то они оставлены были когтями крупной собаки. Вскоре боевой опыт Бражникова пригодился районной власти, так как она уже три года не могла справиться с партизанским отрядом белого офицера Дрёмина. Конечно, его отряд называли тогда бандой. Отряд Дрёмина наводил ужас на руководителей двух районов: Шамарского и Кишертского. Летом отряд действовал активно, а зимой «отлёживался» в деревне Вязовка. Теперь уж этой деревни нет, а раньше она была самой богатой в наших краях. Возможно, по этой причине Дрёмин выбирал её для своей стоянки. Бражникова назначили командиром сводного отряда по уничтожению банды Дрёмина. Глубокой осенью, когда был уже снег по колено, отряд Бражникова выступил из деревни Нижняя Баская в направлении Вязовки. Застать врасплох отряд Дрёмина не смогли; они с боем ушли на деревню Кремлёво. и далее дав два боя на деревню Березовка и Жубря. Оторваться от наседающих преследователей не смогли, и приняв под Жубрей последний бой, – их, гонимых, осталось только два человека, – отряд Дрёмина был полностью разбит. Тяжелораненый Дрёмин уже испускал дух, как к нему подскочил Бражников, размахивая саблей. – решил поглумиться. Но в это время Дрёмин неожиданно поднял пистолет и выстрелил. И то, что здесь произошло на глазах бойцов сводного отряда удивило и поразило всех. Тело Бражникова стало из превращаться из человеческого в волчье, но полностью так и не превратилось, – умер Гринька – красный командир. Так и осталось его тело с головы до живота человеческое, ниже – волчье, даже тощий хвост вырос. К телу Дрёмина, из боязни повторения такого же действия, не прикасались, лишь взяли с собою наган, на котором была серебряная пластинка с надписью. А труп оборотня – Бражникова привезли в райком Шамарского района.

– Оборотня, бабушка, можно убить только серебрянной пулей, – прерывает рассказ бабы Гани внучка. – Я об этом по телевизору узнала.

– Может так оно и было: наган – то был с серебрянной пластиной, а вот на счёт пуль мне не ведомо... Слушай дальше. Райкомовцы с трупом не ведают, что и делать: хоронить с почётом – сраму не избежать! Вот и решили: захоронить тело оборотня Бражникова на скотомогильнике...

А небольшой скит, где обитала Маргарита, вскоре был разогнан властями; она стала жить в глухом лесу одна. Очень много она она спасла детей от различных хворей по всей округе. Только стоит ребёнку закричать от сильной боли, как Маргарита уж тут. Она имела свойство появляться неожиданно и так же исчезать, и к тому же свободно ходила по воде: река Сылва была для неё пешеходной трассой. Колченогую девушку с множеством гнойников на теле из деревни Симонята она вылечила всего в два приёма, намазав её фиолетовой глиной из Филиной ямы. Эта девушка вышла замуж и родила аж семерых детей. Кроме этого Маргарита деревню Симонята от ящура, который мог поразить весь домашний скот, оставив деревню на верную смерть от голода. Подворье, на котором появилась эта болезнь она приказала сжечь, а его жителей отправила в лес на всё лето. По осени им всем селом построили дом и выделили в складчину необходимую животинку. Перед смертью она оставила завещание с просьбой похоронить её возле Филиной ямы в глухом лесу. Её наставление верующие старообрядцы – беспоповцы выполнили сполна. На сороковой день после её смерти из – под пригорка, где она была погребена, стал бить родник. Этот источник считается у нас святым. Народ, наряду с глиной из Филиной ямы, лечится водами этого источника от всевозможных болезней. Каждый год жители деревни Симонята в Троицу совершают крестный ход к её могиле, к месту погребения Святой Маргариты.

– А почему онавятая? – со слезами умиления на глазах спрашивает Леночка.

– Святыми бывают те подвижники веры, перед которыми мы – обычные люди чувствуем себя: недостойными и грешными. Они без порочно преданы Богу. А наша преданность чаще всего делится на преданность Богу, и семье, и мужу или жене, и детям, и даже государству с партией, как это было совсем недавно.

– А Филимон был предан Маргарите, – делает вывод девочка.

– Ты правильно мыслишь, – поощряет внучку баба Ганя. – Святой Маргарите. Только мы с тобою заговорились и время обеда уже минуло: пошли на кухню, потом козлушек пасти, а вечером в огород...

– Бабушка, а почему в тех местах где хоронят Святых появляются родники? – продолжает интригу вокруг сказа девочка.

– Родник – это лучший памятник Небесной Славы для Святого, – так ведётся с незапамятных времён, – ответила Агафья Ивановна внучке.

Вечный коммунист

– Ой, бабушка, я проспала, – а огород с тобой не ходила, – огорчилась девочка, поднимаясь с постели.

– Сегодня и я не ходила: дождь моросит... Слава Богу, – вечером полоть будем... А теперь умывайся и шаньги есть, – успокоила она внучку.

– А потом что-нибудь расскажешь? А? А то без телевизора скучно. – Поставила условие Лена.

– Хорошо. После того, как козлушек в поле сводим...

– Да пока дождь идёт!

– Ну, уговорила. Только вначале уборку сделаем в избе.

Примерно через час баба Ганя прилегла отдохнуть, а внучка, уже как обычно, с котом на коленях присела рядом с кроватью.

– Сегодня я тете расскажу о вечном коммунисте. Этот рассказ был всем в районе известен до 30-х годов, но позднее его не рассказывали, так как можно было за это и тюрьму попасть.

– Бабушка, а кого коммунистом называют? – проявляет живой интерес девочка.

– Коммунисты – это такие люди, которые решили сделать для всех равенство и счастье. Через подобное действие они решили сделать людей безгрешными. Они думали: без Бога делают людей счастливыми, но того не понимали, что человека без греха нельзя родить и вырастить... Поэтому они и делали всё для того, чтобы объединить людей в равенстве, на основе своей идеи, не считаясь с Богом и людским мнением. Они считали и верили, что уничтожив богатых на земле будет царствовать справедливость. Они были орудием дьявола, ибо он как и они всегда пытались разделить людей на определённые группы, в то время как у Бога мы все братья и сёстры... Если тебе нужно объяснение по науке, то спроси у своего папы – он образованнее меня – то будет... Началось все это перед самой революцией, – начала своё повествование старушка. – В Сылве образовалась подпольная, то есть тайная, организация большевиков, тех же коммунистов – так они в то время прозывались. Возглавил организацию Ржанников Иван Павлович. И повадился к нему ходить из деревни Сарги молодой парнишка Сенька Жилин. И до того он вбил себе в голову ученье коммунистов, что постоянно спорил со своими родителями, и уж очень не любил священников. Он постоянно говорил: Бога нет, Души нет... Только социалистическая революция принесёт освобождение народу. Очень много народу по тем временам «омрачилось» и желало выступить против Царя, против Бога. Народ не понимал, что из братьев и сестёр начали рождаться враги. Однажды, в Троицын день все прихожане возвращались из сылвинской церкви в деревню Саргу. Вместе с ними шёл и Сенька Жилин. Всю дорогу, до своей деревни, он на зло верующим говорил: у вас как и у меня нет Души. Все разговоры о Боге и Душе – вздор, а ваш священник продаёт верующим только опиум, вместо надежды и упования...

В это время его чёрт и побрал.

– Как он мог его «побрать»? – удивляется Леночка, прерывая рассказ бабушки.

– Налетел сильный ветер – смерч и поднял его над землёй и унёс Сеньку обратно в Сылву, бросил его возле дома Ржанникова, то есть возле жилья своего наставника. Что с ним сделал нечистый неведомо, только после этого Сенька стал ещё более отчаянным и постоянно на своих собраниях говорил: смерть или коммунизм! Вскоре и свершилась революция 17-го года, а затем по нашим местам прокатилась гражданская война. Сенька Жилин командовал отрядом сылвинских большевиков. Его отряд участвовал в боях под Кузино, Сабиком, Шалей, а затем отступил на Пермь. Через год Семён вернулся на родину уже командиром Красной Армии. После освобождения Сылвы от белогвардейцев он со своим отрядом ушел на восток и вернулся в родную деревню в середине 20-х годов. Учитывая его заслуги

перед большевиками его назначили на работу в милицию, а затем и её начальником в районе... В жёны он взял девушку из крепкой семьи Сарафановых, из той же деревни Сарги, но жили они уж очень странно: детей не было. Жена – Анфиса год от году выглядела хуже и хуже – так «с лица и спадала. Люди говорили: «сосёт» нечистый... Во время коллективизации, в самый разгар борьбы с кулачеством Семён Жилин подписал распоряжение о высылке семьи Сарафановых из Сарги, как кулаков – злейших врагов советской власти.

– Баба, а кто такие кулаки? Мы в школе не проходили, – тихонько дёргает за рукав старушку девочка.

– Говаривали люди, что это самые работяги, которые что утром рано встать спали не на мягких подушках а на кулаках. Вот такую работящую семью – близких родственников Семён и решил известить. Очень умоляла его не делать вреда семье Анфисы, но тщетно. От такого поворота событий, а это было в сентябре, с отцом Анфисы Гурьяном случился удар: умер скоропостижно. Манефа – его жена попросила власти отложить отъезд на три дня, чтобы похоронить мужа согласно православному обряду. Через три дня она с семьёй собралась ехать, но неожиданно исчез сын Петр, пришлось ехать на поселение в Ивдельский район, без него.

Объявился Петруха через день у своей сестры Анфисы. В это время Семён был ещё на работе. Петр просил сестру лишь на время его спрятать; он боялся оставить в Сарге свою девушку Сурнину Наталью.

– Не миновать нам беды, – говорила ему сестра, – придёт Семён – убьёт и тебя и меня; он не пожалеет нас... Ну, да ладно иди на чердак, – решила она, чмокнув брата в щеку. В этот самый миг, – не раньше и не позже, – вернулся домой Жилин и по милицейской привычке вначале заглянул в окно. Он был страшно ревнив: не имел доверия не только к жене, но и ко всем людям. Выхватив пистолет из кобуры Семен бросился в избу и застал Анфису в сенках.

– Где он? – крикнул Семён, подставляя пистолет к голове супруги.

– Никого нет, Сенечка, – оправдывалась она. – Ты не то думаешь! Я не изменяла тебе!

– У, гадука! – Семен с силой ударил жену рукояткой пистолета по голове. Она упала...

В это время с чердака спустился Петруха.

– Не бей сестру! Забери меня... Она перед тобой невинна, – обратился он к своему зятю.

– А, контра! – озлобился окончательно начальник милиции. – Сейчас поговорим с сукой, – как она тебя – врага народа привечала! – Он схватил за волосы Анфису и попробовал её приподнять, но тут же понял: она мертва...

Оценил это и брат погибшей; он незаметно вышел из дома своего зятя. Его нашли утром в деревне Сарге, возле родного дома, повесившегося на толстом суку сосны. Похоронили брата и сестру в один день, без особого по такому случаю ритуала. Семен представил всё дело так, что они – умершие были кулацкой ячейкой, и он, благодаря революционной бдительности, раскрыл заговор. За этот «подвиг» его повысили по должности; он переехал жить в областной центр.

Манефа Сарафанова, оставшись с двумя детьми, Узнала о происшествии только месяца через два, – кто – то из деревни послал весточку. И пожелала она своему зятю: ни дна, ни крыши... Чтобы он не мог найти покоя на этом свете! С тех пор Семен Жилин ходит по земле и проводит агитацию в пользу коммунистов. Некоторые жители отмечают: Фидель Кастро на Кубе – вылитый Жилин, говорит как он: Родина или смерть! Но на самом деле после тёщиного проклятия у него нет ни Родины ни смерти, так и бродит по земле как призрак, поднимая народ на борьбу за идеи коммунизма.

– И у нас в Шале бродит? – с усмешкой интересуется внучка.

– Конечно. Он по всем странам ходит и будоражит народы, и в Китае, и во Вьетнаме...

– А как он может на других языках говорить? – уже с долей иронии спрашивает Леночка.

– Не лыбся. Все очень просто: его ведь сам черт побрал, то есть он побратался с нечистой силой – вот и весь сказ. Пора вставать – дождь закончился. Обедаем, – козлушек в поле ведём... Да?

– Да, бабушка! Я иду тебе помогать.

Платоновская святыня

Утро. Мелкие капельки росы, в лучах восходящего солнца, приобретают розовую окраску, создаётся впечатление: пурпурный диск утреннего солнца растворился в мелких росинках на огороде Агафьи Ивановны. Скворцы деловито и сноровисто шмыгали¹⁰ из скворечника – дуплянки: туда – с добычей, а обратно летели свободными, передразнивая домашнюю живность хозяйки огорода: кур, кота, и даже коз. Это были настоящие специалисты по имитации звуков. Удивительное время суток – восход солнца.

– Бабушка, а я уже устала, – ропщет Леночка, – сегодня рано встали...

– Надо поработать, – скоро солнце жарить будет, – вразумляет помощницу старушка, откидывая пучок сорняков на межу.

– А зачем трудиться? – Ты сама говорила: жить надо как птицы...

– Отшельники – монахи так и живут, ибо они сподобились видеть мир иной, а мы все в миру: отягощены заботами о хлебе насущном – иного не дано, – как по Священному Писанию отвечает внучке Агафья Ивановна.

– А мой папа говорит, что человек свободен и может быть монахом или коммерсантом... Бог ему не может противодействовать, – не соглашается с бабушкой внучка.

– Может папа у тебя и прав – не берусь судить, но иногда, как говорит опыт жизни: предначертанность судьбы имеется и изменить её нельзя – на то воля Бога. Вот закончим прополку – расскажу...

– Ой, сейчас! Я устала! – восклицает девочка.

– Ну, да ладно, – снимая с рук резиновые перчатки, соглашается Агафья Ивановна, – но только после рассказа ещё грядку пройдем с тобой. Согласна?

– Да.

Они присаживаются на завалинке избушки с восточной стороны, подставив лицо и оголённые руки под ласковые утренние лучи солнца.

– Давно это было, где-то во-второй половине девятнадцатого века. В то время образовалась Русская православная старообрядческая церковь. Случилось это в Австро-Венгерской империи; там много скрывалось старообрядцев от гонений царских властей. Один из священников Русской православной церкви Амвросий перешёл к старообрядцам – он был рукоположен, то есть имел благословление, которое идет от апостолов Иисуса Христа. Так и образовалась старообрядческая Церковь Бело-Крыницкого толка, или ещё «австрийская» – как её обычно называли в народе, хотя австрийского духа там не было и в помине. Жили там, на Западной Украине, два инока – беспоповца по имени Аркадий и Константин. Они много и долго беседовали со служителями Древнеправославной Церкви Христовой и приняли в конце – концов крещение, убедившись в истинности восстановленной старообрядческой церкви. Очень много старообрядцев проживало в те времена на Урале и на востоке от него. И решили эти иноки нести свет истинной веры на Урал. Надели они на себя вериги¹¹, а на ноги кандалы и в таком виде направились сюда. Через всю Украину и Россию иноки прошли до Урала пешком. На постоянное место жительства монахи остановились под городом Лысьвой. О их священном подвиге молва разлетелась по всему нашему краю. К инокам пошли паломники. Много народу своим подвижничеством обратили они в старообрядчество; переходили не только из беспоповцев, но и очень много из никониан, из официальной Церкви. Испугались священники – никониане и нашептали жандармам о том, что иноки Аркадий и Константин являются лазутчиками Австро-Венгерской империи, то есть шпионами. Добрые люди

¹⁰ Шмыгали – суетиться, метаться.

¹¹ Вериги – кандалы, цепи, оковы.

во – время сказали инокам об угрозе со стороны властей и они быстро покинули предместье города Лысьвы, направившись в наш район. В районе, особенно на западе, была по тем временам глушь, да зверь непуганый, только изредка возле полей встречались хутора. Возле одного их хуторов вблизи нынешнего села Платоново они решили вновь поселиться на постоянное жительство. Иноки испросили разрешение у владельца хутора Щукина Гурьяна Ивановича построить на его земле, в логу, по которому протекала безымянная речка, келью. Хозяин хутора не отказал.

Жили монахи уединенно, стараясь меньше общаться с миром, но люди тянулись к ним за советом. Часть жителей из близлежащих хуторов начала у иноков исповедоваться, а некоторые уже регулярно делали это каждый пост. Питались монахи «чем Бог пошлёт»: ягодами, кореньями, ловили рыбу в реке Сылве. Ходила к ним постоянно одна старушка из Шайдуров. Такой был хутор, где проживало большое семейство Шайдуровых. Старушка неизменно брала с собой маленького внука. В Петров пост она не обнаружила иноков в келье. Там лежала только записка: Ищите нас в логу под берёзовым выворотком. В день памяти Петра и Павла тела убитых нашли под стволом берёзы. Тела иноков были нетленными, хотя стояло жаркое лето.

– А как, бабушка, они могли записку написать? – они сами себя убили? – задаёт вполне резонный вопрос Леночка.

– Глупость городишь: иноки не могут сами себя лишиться жизни, ибо Душа не наследует рай... Ты думаешь: они после смерти сами себя под дерево положили и закидали ветками?

– Нет.

– Убиты они были корыстолюбцем – так рассказывают, а ещё я думаю: наёмный был убийца, чтобы избавиться одним махом и от лазутчиков австрийских и противников официальной веры. Говорят, что убийцу нашли, но какое он понес наказание, никто не знает. Убийца рассказывал, что иноки не только не сопротивлялись, но и говорили: ты пришёл в назначенный нам час: мы готовы увидеть мир иной, прости нас. Аминь.

Оказывается, они были убиты по окончании Великого поста, то есть где-то в конце марта или в начале апреля – месяца, а обнаружены были в середине июля, за четыре месяца тела иноков не истлели, и никакой зверь не повредил. Это всем показалось всем чудесным знамением, даже врач не стал делать вскрытия, ограничился наружным осмотром: для него тела монахов были святыми.

Похоронили иноков, с разрешения владельца хутора в логу, на берегу реки Сылвы. И тут же из под бугорка начал бить родник. А безымянную речку у которой находился скит хуторяне нарекли Чучкановкой. Название дано от слова: чучкнуть, то есть сильно ударить, до смерти. Так под этим названием и значится... А жители окрестных хуторов много раз были свидетелями того, как в ночное время на могиле иноков горели две свечи; они продолжали молиться о нас грешных. Позднее много больных исцелилось из родника иноков Аркадия и Константина.

В 1997 году иноков причислили к лику святых, как преподобномучеников под именем Шамарских. Была опубликована книга о их житии. Вот с ней и вышел казус. После того, как авторы книги получили пробный экземпляр книги, то обнаружили ошибку: вместо преподобномучеников Шамарских везде было отпечатано Шаманских... Авторы книги попросили ректора исправить ошибку, что последний незамедлительно и сделал. Но каково было удивление всех, когда весь тираж книжечки пестрил старой ошибкой: Шаманские...

– Почему так получилось? – искренне удивляется внучка.

– Всё просто: авторы, вместе со служителями Церкви хотели произвольно изменить назначение иноков, назвав их по своему желанию Шамарскими, в то время когда они являются Платоновскими, – дала пояснение мудрая старушка.

– Какая разница, – не пойму? – ещё более удивляется Леночка.

– Большая. Слово: шамры, шамары обозначают пустое место. Ну, не могут же преподобномученики быть пустым местом – они этого явно не хотели. А слово: плато обозначает возвышение, широту, обширность. Одним словом: самое подходящее значение для святых людей.

Так люди не в состоянии вмешаться в Божий промысел.

– Хлопая себя по коленям, рассказчица воскликнула, – Глянь, а солнце уже высоко, – заболталась... Ну, придётся вечером побольше потрудиться. Согласна?

– Если будешь рассказывать: я на всё согласна, – улыбается девочка, направляясь вслед за хозяйкой усадьбы в избушку.

Ильинская часовня

Проснулась Леночка самостоятельно, и сразу оценила: безнадежно проспала раннее утро, и бабушка даже не пробовала её разбудить. Надев легкое платьице, девочка выбежала на улицу, став свидетелем странного обряда.

Агафья Ивановна, поставив перед курятником старое тележное колесо, протаскивала между его спицами жёлторотых цыплят. Курица – наседка, распутив крылья, носилась с квотанием вокруг хозяйки, делая устрашающие выпады в её адрес. Но вот удивительная процедура была завершена, курица – наседка с выводком цыплят направляется к ближайшей кучке мусора.

– Бабушка, а что ты такое делала? – воскликнула удивлённо девочка. – Зачем тревожила наседку?

– Это очень древний обычай: если цыплят пронесли через спицы тележного колеса, то в последствии у них будет хорошая яйценоскость и ястреб не унесёт...

– Ну, и удумала, бабушка, – выразила определённый скепсис и иронию внучка, – суеверие какое-то!

– После завтрака, – времени уже много, – с трудом разгибая поясницу, отреагировала хозяйка усадьбы. – Я тебе расскажу одну историю. А там сама делай вывод: суеверие это или нет.

Через час с небольшим, в огороде, примостившись на меже, баба Ганя начала очередное повествование для своей внучки,

– Давно это было, так давно, что и мои родители не могли этих событий видеть, и лишь по рассказам древних стариков они смогли сохранить эту историю для нас. В те далёкие времена только начали возникать в наших краях русские поселения, и одними из первых в нашем районе появились деревни Мартьяново, Курья, Родина, Староуткино, Шайтанка, Сылва и другие. Вот и совершили на эти поселения набег ногайцы, по – теперешнему: башкиры. Деревню Курью пожгли полностью, затем прошли ходом до Мартьяново. Очень сильно пограбили деревушку, но поджигать не стали, ибо многие добровольно отдали своих лошадей. Награбленной добычи ногайским войнам было недостаточно: они решили «потрясти» Шайтанку, в которой находился железоделательный завод, – теперь это село живёт под именем Чусового. На заводе производили кричное железо. Из железной руды делали плавку, а затем этот состав очищали от примесей шлака, в специальных горнах, и лишь потом молотом делали чушки по 1 – 2 пуда весом, которые по реке Чусовой сплавляли на заводы города Перми или Нижнего Новгорода. Хорошего качества производили железо на Шайтанском заводе. Железную руду брали в окрестностях деревни Шайтанки, в основном по речкам Ленёвка, Нотиха, Пестериха, а также в районе бывших деревень Руда, Родина. Трудолюбивый и мастеровой народ здесь жил. Вот и влетел ногайский бай Шатлык с войнами в Шайтанку, буквально второго августа, в самый Ильин день. Силою они брали у жителей села лошадей и овец. Очень понравилась Шатлык – баю Настёна Крюкова, и взял он её в полон, приторочив к седлу на лошади. Рыдают её родители Кондрат с Устиньей, умоляют не уводить дочь в полон, но жестоко сердце ногайского вождя. Только её наречённый жених Ванюшка Сарафанов решился тайком преследовать врагов, чтобы выручить Настёну. Когда караван ногайских воинов с табуном лошадей и овец направился на юг, вдоль речки Шайтанки, Ванюшка из-за кустов прыгнул на круп лошади, к которой была приторочена девушка, и разрезал ножом её путы на руках и ногах.

– Бежим! – шепнул он на ухо Настёне.

Они бросились бежать через густой лес в направлении горки, которую ныне чусовляне называют Вшивой. Ногайские войны не сразу бросились за беглецами, да и лес был так густ, что им пришлось настигать Ванюшку с Настённой обычным бегом. – лошадей пришлось оставить

возле речки. Шатлык – бай бежал впереди всех, угрожая, что поймав беглецов, убьёт их. Перед самой горкой ногайские войны почти настигли девушку с юношей.

– Беги, Настёна, а я их задержу, – крикнул девушке Ваня, разворачиваясь лицом к врагам. Изрубили в ярости вороги парнишку. С тех пор его тело покоится в основании этой горки...

На горе росла сосна с «воротцами», то есть у неё в стволе было отверстие, в которое мог свободно проползти человек. С помощью этого дерева жители всех деревень в округе избавлялись от различных недугов. Посинеет бывало ребёнок, почти уже при смерти, – принесут его к дереву, протащат через отверстие, – а он и оживёт. Молитвы творили по большим праздникам на этой горке. Почти настиг девушку Шатлык – бай, но успела она в «воротца» сосны проскочить, и будь – то стена образовалась между ногайскими войнами и девушкой: не могли они к ней проникнуть. Осерчал бай, схватил лук, пустил стрелу в девушку, да только стрела отскочила от невидимой стены и поразила ногайского война. Испугался бай, подумав, что за девушку вступился сам Шайтан, и бросился бежать обратно к речке, где оставил караван с награбленной добычей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.